

Гердера на темы *Blut und Boden*, поддерживается *глубокой институализацией* этих представлений. В результате мы имеем дело с особой **институциональной средой**, в которой этносы-народы мыслятся как существующие с изначальных времен, обладающие исторической родиной («почвой») и единством («кровью»). Эти представления поддерживаются всей мощью государственных институтов (национальное устройство федерации, особые статусы и режимы гражданства для национальных меньшинств и коренных народов, разветвленное законодательство в сфере национальной политики, устоявшиеся формы политического и научного дискурсов, наконец, переписи как один из важных инструментов «овеществления» этнических *представлений*).

Коль скоро институциональная среда – часть **социологической реальности**, описания *современного* существования наших обществ с позиций примордиалистских теорий этничности оказываются парадоксальным образом адекватными этой реальности. Однако их адекватность ограничивается двумя моментами – *местом* (границами институциональной среды, поддерживающей этот тип представлений, в данном случае СНГ, страны Балтии и, быть может, Финляндия и ЮАР) и *временем* – эпохой модерна. Лишь универсалистские притязания «онтологизаторов» этнического, а не примордиализм сам по себе перемещают последователей этого подхода из сферы корректного, хотя и ограниченного социологического описания – в сферу идеологии, при этом метод превращается в символ веры.

Примечания

¹ Этнокогнитология: Подходы к изучению этнической идентификации, М., 1994.

² Там же. С. 5.

³ *Крюков М.В.* Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения // Сов. этнография. 1989. № 2. С. 30.

⁴ Эту критику я поддерживаю, хотя полагаю, что сам «онтологический подход» неотвратимо становится достоянием истории отечественной этнографии и сегодня представлен больше управленцами и чиновниками и теми учеными, которые находятся, скорее, в сфере воспроизводства знания, нежели его производства. Продолжать считать его «доминирующим», на мой взгляд, уже нет оснований.

S.V. Sokolovskiy. Russian Federation Census of 2002: Wittgensteinian language games

The article analyses problems related to the forthcoming All-Russia Census of the population and makes censorious remarks concerning its organizers. In addition the author enters into a controversy on a number of issues with S.V. Cheshko whose article is carried in the present issue of the Journal.

© 2000 г., ЭО, № 4

В.В. Тр е п а в л о в

ЧИСЛЕННОСТЬ КОЧЕВОГО СОЦИУМА: ИСТОЧНИКИ И СПОСОБЫ ПОДСЧЕТА

Многовековое взаимодействие оседлых и кочевых обществ протекало в самых разных формах. Мирные контакты и войны, миграции и нашествия тесно связывали земледельцев и степных скотоводов древности и средневековья. Когда современный исследователь берется за изучение этих отношений, он сталкивается с явной диспропорцией в исторических источниках. Подавляющее большинство последних посвящено истории оседлых народов. Именно в их среде развивалось летописание,

велась дипломатическая документация, отслеживалось политическое развитие сопредельных стран. От кочевников же – даже при наличии у них письменности – осталось неизмеримо меньше документов, поэтому основной массив информации о внутренней жизни степных держав мы получаем опять же из сочинений, созданных в государствах оседлых народов. Их правители и дипломаты постоянно следили за положением в кочевых степях. Ведь оттуда не только шли богатые торговые караваны и стада товарного скота, но и налетала вражеская конница, угрожая разорением и пологом. Кочевники интересовали соседей прежде всего как торговые партнеры и как военная сила. Для определения политики по отношению к различным ханствам и улусам следовало правильно оценивать их политический и экономический потенциал. Одним из главных показателей такого потенциала были людские ресурсы, численность населения.

Традиционно применяемый в науке способ подсчета численности населения кочевых владений исходит из соотношения общего количества жителей степного владения и количества выставляемых им ополченцев. Кроме того, в последнее время предпринимаются попытки вычислений на основе экологических потенциалов изучаемых регионов возможностей проживания на некоей территории определенного контингента кочевников.

В настоящей статье мы попробуем обобщить опыт подобных подсчетов в отношении Ногайской Орды (конец XV – первая треть XVII в.)¹ и привести документальные основания для определения численности ее жителей – ногаев. Значительная часть используемых в статье сведений почерпнута из архивных материалов и вводится в научный оборот впервые.

Историки не раз оценивали приблизительное число жителей Ногайской Орды. Иногда встречаются произвольные оценки – от 450 тыс. до 1 млн. чел.², но чаще авторы прибегают к четкому способу подсчетов – умножению числа ополченцев на 3, 4, 5 или 6.

М.Г. Сафаргалиев пишет, что, по данным польского хрониста XVI в. Матвея Меховского, Большая Орда³ в конце XV в. выставяла 60-тысячную рать из своего 160-тысячного населения, т.е. почти треть, а у ногайского бия Юсуфа и главных мирз Исмаила и Касима б.⁴ Шейх-Мамаю находилось под началом 200 тыс. воинов. Если допустить, что последние тоже составляли треть от всего народа, то население Ногайской Орды насчитывало не 600 тыс. (как получилось бы по арифметическому подсчету), а почему-то около 400–500 тыс.⁵. В дальнейшем М.Г. Сафаргалиев пересмотрел пропорцию и решил, что войско составляло 60% от всего населения. Тогда, следуя тем же самым сведениям источников, выходит, что число ногаев было 300–350 тыс.⁶ Эта цифра и донныне указывается различными авторами⁷.

У Р.Г. Кузеева нашлись сходные основания для расчетов. Эдиге командовал своей 200-тысячной конницей (по Р.Г. Клавихо), у ногаев во второй половине XVI в. кавалерия насчитывала 200–300 тыс. (по Г.И. Перетятковичу). Кочевое общество выставяло в ополчение на время войны примерно четвертую часть населения, половина приходилась на женщин, пятая часть – на мальчиков до 15–16 лет и старцев, 5% – на лиц, остающихся для поддержания скотоводческого хозяйства. В таком случае в Ногайской Орде проживало от 800 тыс. до 1 млн. 200 тыс. чел.⁸.

А.И.-М. Сикалиев использует то же соотношение и приводит следующие основания. По Ибн Арабшаху, у Эдиге имелось 20 сыновей; по «Казанскому летописцу», под началом младшего из них находилось 10 тыс. воинов; отсюда допускаем, что каждый из прочих сыновей обладал таким же войском. По Клавихо, у самого Эдиге была рать в 200 тыс. чел. Складывая численность армий отца и сыновей, получаем 400 тыс. (у А.И.-М. Сикалиева почему-то 600 тыс.), а умножая на 4 – соотношение между войском и народом у кочевников, получаем цифру 1 млн. 600 тыс. (у А.И.-М. Сикалиева соответственно 2 млн). По этой же логике получается, что бий Исмаил после опустошительной смуты среди ногаев в 1550-е годы, командуя 200-тысячным войском, правил 1 млн. (?) подданных⁹.

Экологические подсчеты еще более приблизительны. Поверим тем авторам, которые определяют золотоордынское население между Волгой и Яиком в 100–150 тыс., в том числе в Рын-песках – лишь 4 тыс. (это численность народа, необходимого для пастьбы такого количества скота, которое могло бы освоить экологическую емкость данной территории)¹⁰. Тогда умозрительно умножим 100–150 тыс. на 2 или на 3, т.е. охватим всю территорию Ногайской Орды, которая была в разные времена вдвое, а то и втрое обширнее Волго-Яицкого междуречья. Получается 300–450 тыс. чел.

Если использовать любопытную формулу расчета кочевого населения, предложенную А.А. Тортикой, В.К. Михеевым и Р.И. Кортиевым¹¹, то получается, что в период апогея своего могущества Ногайская Орда от Волги до верховьев Ишима и от Камы до Нижней Сырдарьи вмещала более 1 млн. 700 тыс. жителей. На основной же ее территории между Волгой, Эмбой, Камой и Сырдарьей могло проживать 750 тыс. чел. На последнем этапе своей истории держава, территория которой сузилась до Волго-Яицкого междуречья и пастбищ Крымской стороны (т.е. правобережья Нижней Волги), была населена примерно 120 тыс. ногаев.

Но все изложенное выше – скорее идеальные схемы, демонстрирующие не действительную численность ногаев, а возможности различных областей Дешт-и Кипчака¹² вместить и прокормить такое число народа.

Обратимся к источникам. Распространенным синонимом ногаев было тюркское слово *сансыз* (бесчисленные)¹³. На Руси и в Европе сложилось устойчивое мнение об огромном количестве жителей Ногайской Орды – самой многолюдной среди прочих тюркских государств – наследников Золотой Орды: «Их же (ногаев. – *В.Т.*) число подобно морскому песку было»¹⁴. «Подобен морю был наш народ», – вторили сами ногаи устами своего поэта XV в. Шал-Кийиза Тиленши-улы¹⁵. Довольно популярной дефиницией собственной численности у них было и другое выражение: «Нас, ногайских людей... *сорок санов воинских людей*» [здесь и далее курсив мой. – *В.Т.*] (бий Иштерек – астраханским воеводам, 1616 г.); «желаю, чтобы... *сорок санов нагаи (а в сани по десять тысяч)*... были под твоею царскою высокою рукою» (мирза Кара Кель-Мухаммед – царю Михаилу, 1630 г.); «я... имел *сорок санов ногайских людей* под твоею высокою государскою рукою» (мирза Саид-Ахмед Урмаметев – царю Михаилу, 1630 г.)¹⁶. Пояснение значения слова «сан» во второй из приведенных цитат могло оказаться вставкой русского переводчика (оригинал грамоты не сохранился), поскольку так оно понималось при переложении ногайских посланий: сан, как тьма, – 10 тыс.

Скажем, слова мирзы Бия Урмаметева в послании воеводам перевели следующим образом: «Если попросите, чтобы сорок *тем нагаи*... у государя в холопстве были – о том я... у Бога просил»; в арабическом же оригинале выделенный фрагмент написан как *кырк сан нугай*¹⁷. Кажется, словосочетание «кырк сан» служило обозначением абстрактного множества, так как над этим число подданных якобы властвовали и бий, и каждый из трех указанных выше мирз.

Казахский эпос «Эр-Таргын» называет главного героя выходцем из кыргызов, бежавших к народу *кырк сан крым*¹⁸. Впрочем, сами ногаи не включали крымцев в свои сорок санов. «А нас, мангытских людей, с Шихмамаевыми детьми *сорок тем* (это перевод «сорока санов», как мы только что убедились. – *В.Т.*), – писал в 1586 г. мирза Ураз-Мухаммед в Москву. – И свестясь с крымскими людьми, соединившись, все вместе будем, и нас будет *сто тем* людей»¹⁹, т.е. сто санов. Можно предположить, что данная словесная формула тоже была распространена в Дешт-и Кипчаке как устойчивый синоним ногаев наряду с «сансыз».

Что касается более точного определения численности населения, то данные весьма скудны. Т.И. Султанов оценивает ее в Узбекском ханстве XV в. (куда входил Мангытский юрт – будущая Ногайская Орда) в 1 млн. 240 тыс. – 1 млн. 360 тыс. чел. Таково было число подданных узбекского хана Абу-л-Хайра и его ближайших преемников до откочевки его внука Мухаммеда Шейбани, проигравшего войну с казахами, в

Мавераннахр (рубеж XV–XVI вв.). Это заключение петербургский ориенталист сделал на основании данных хрониста XVI в. Мирзы Мухаммеда Хайдара о том, что под началом казахского хана Касима (около 1512–1521 гг.) находился 1 млн. номадов, а войско Шейбани Т.И. Султанов оценивал в 40–60 тыс.

Принимая пропорцию войска ко всему народу как 1 к 6, указанный автор установил количественные пределы общей численности населения Казахского ханства в 240 (40 тыс. × 6) и 360 (60 тыс. × 6) тыс., каковые и прибавил к 1 млн. касимовых подданных²⁰. Думается, эти рассуждения Т.И. Султанова можно продолжить. Хайдар приводит слова казахской ханши Султан-Нигар-ханым в беседе с ханом Тахиром б. Адиком, племянником и преемником Касима: «В стране узбеков у тебя не ладятся дела из-за мангытов, и (ты не можешь) противопоставить им войско, которого у тебя (прежде) было десять лаков (т.е. 1 млн. – *В.Т.*), а теперь дошло до четырех лаков (400 тыс. – *В.Т.*), и у тебя не осталось достаточно сил, чтобы сопротивляться им»²¹. Разговор состоялся приблизительно в 1523 г. В 1521 г. скончался Касим б. Джанибек, которому удалось оккупировать Мангытский юрт и значительно увеличить число своих подданных и ополченцев. Ясно, что эту массу народа унаследовал Тахир, взойдя на трон. Правда, Хайдар пишет о миллионном войске, а не о народе. И если следовать методике Т.И. Султанова, то получится, что казахские ханы властвовали над 6 млн. кочевников. Однако это немыслимая цифра для восточного Дешта, поэтому будем считать, что Султан-Нигар-ханым вела речь не о войске, а именно об общем числе жителей Казахского (бывшего Узбекского) ханства. Вскоре после смерти Касима ногаи двинулись громить казахов и оттеснили их далеко на восток. Мангытский юрт обрел самостоятельность. В результате этих катаклизмов число подданных Тахира уменьшилось с 1 млн. до 400 тыс. (см. выше). Стало быть, оставшиеся 600 тыс. пришлось на отколовшуюся часть, и мы вправе предположить, что таково было население Мангытского юрта и областей, присоединенных ногаями в ходе «реконкисты».

Следующие цифры встречаются в начале 1550-х годов, во время обострения отношений между царем Иваном IV и ногайским бием Юсуфом. В 1551 г. последний хвалился: «А у меня триста тысяч рати моеи письменной. А восемь у меня сынов моих, а по десяти тысяч своих людей у них есть»²². «Письменная рать», т.е. ополчение, занесенное в какие-то податные или мобилизационные реестры, могло составлять, по разным методикам подсчета, четвертую, пятую или шестую часть от общего количества народа. Выберем самый осторожный подсчет и допустим, что 80-тысячное войско юсуфовых сыновей тоже включалось в «письменную рать». Тогда получается, что в Ногайской Орде было по меньшей мере 1 млн. 200 тыс. жителей (300 тыс. × 4). Однако реально Юсуф мог поднять по своему приказу лишь «стотысячную рать мангытскую», о чем он сам и известил царя в 1552 г.²³ А через год русский гонец донес, что, готовясь к походу на Русь, бий «людей своих смечал... и сметил всех людей своих сто тысяч да дватцать»²⁴. Повторив подсчет, получаем 480 тыс. населения (120 тыс. × 4).

При этом заметим, что в данной акции не принимали участия отряды мирз правого крыла – нурадина Исмаила, Арслана б. Хаджи-Мухаммеда и др.²⁵ Тот и другой были могущественными правителями на западе Орды, т.е. господствовали как минимум над третью и как максимум над половиной ногаев.

Тогда получается, что в правом крыле кочевало от 240 до 480 тыс., а всего в Ногайской Орде (правое крыло плюс яцкикий центр плюс левое крыло) проживало тогда от 720 (240 + 480) до 960 (480 + 480) тыс. чел. 300 тыс. «письменной рати» уже остались к тому времени в прошлом, потому что из Орды ушли в Мавераннахр улусы свергнутого в 1540-е годы бия Саид-Ахмеда и его детей, да еще ударились в разбойное «казачество» протомки биев Шейх-Мухаммеда и Алчагира.

Междоусобная смута середины 1550-х годов радикально подкосила демографический потенциал кочевой державы: «И так того народу Измаильтескаго мало за Волгою осталось, едва пять тысяч военных людей, его ж было число подобно песку морскому»²⁶. Источники 1580–1590-х годов приводят уже гораздо меньшие цифры по

сравнению с первой половиной столетия. В июне 1589 г. имперскому (германскому) послу сообщили в Посольском приказе, что Россия готова направить против иранского шаха наряду с прочими силами 100-тысячное ногайское войско²⁷. Но это число включало, видимо, и конницу Малых Ногаев²⁸, так как в 1592 г. в наказ о встрече польско-литовского посла была вставлена фраза: «А нагайских ратных людей *Большие Заволжские Орды и Казыева улуса* сядет на конь (по царскому повеленью) отборново люду до ста тысяч»²⁹. Более точные числа приведены в статейном списке (отчете) посла в Англию Г.И. Микулина от 1600 г.: «Воинских людей в Заволжских Нагаех болши осмидесят тысяч. А... Барангазы князь (казыевский. – *В.Т.*) з братьею и з детми, и с племянники – восемьдесят мурз, а у них воинских людей пятьдесят тысяч... А Заволжских Нагай и Казыева улуса (воинских людей. – *В.Т.*) болши ста тридцати тысяч»³⁰. Значит, после смут середины и конца XVI в. Большая Ногайская Орда («заволжские ногаи» в последней цитате) обладала 320-тысячным контингентом населения (80 тыс. × 4).

Чем больше слабела Большая Ногайская Орда, тем меньше улусников оставалось под властью бия. В 1604 г. Иштерек говорил воеводам, что может собрать для войны «людей... с шездесят тысяч»³¹, что соответствовало примерно 240 тыс. жителей. Разные мирзы то отказывались от подчинения своему верховному правителю, то решались вновь воссоединиться с ним. В 1608 г. «улусных людей» у Иштерека, по словам его послов, насчитывалось всего 40 тыс.; большинство же мирз кочевало тогда на Крымской стороне³².

В переписке первых десятилетий XVII в. встречаются как реальные исчисления улусников и ополченцев, так и полагающиеся Орде по формальной совокупности улусов («письменная рать»). В 1615 г. братья мирзы Тинмамметевы – Джан-Мухаммед и Аксак Кель-Мухаммед отписали государю, будто «нас, Болших Нагаи, с четыреста тысяч»³³. Через два года бий Иштерек называл и вовсе несообразную цифру «*ратных людей*... с триста тысяч»³⁴, т.е. около 1 млн. 200 тыс. населения. На самом же деле чисто поданных оставалось куда более скромным, и посол Иштерека в том же 1617 г. заверял посольского дьяка, что его патрон готов выставить войско «хоти 20 тысяч»³⁵, что соответствует 80 тыс. чел. населения.

В 1620-е годы численность обитателей Большой Ногайской Орды несколько стабилизировалась. Нурадин Кара Кель-Мухаммед уже не оперировал сотнями тысяч, а откровенно делился с царем: «И толко похвалою молыть, и нас и людеи наших... будет с сорок тысяч, а и не похвалою молыть, нас... будет с тридцать тысяч»³⁶. То же число улусного населения называли тогда и астраханские воеводы («тысяч с тридцать и с сорок»)³⁷. Расклад оказывался таким: под властью бия Каная находилось 10 тыс. чел., а остальные 20 или 30 тыс. – у нурадина³⁸. Кроме того, имелись улусники мирз Тинмамметевых, а также те ногаи, что оставались на востоке и угодили под владычество калмыков (считается, что таковых было до 40 тыс.³⁹). Тинмамметевы же в 1630 г. имели в своих улусах 30 тыс. чел.⁴⁰

Таким образом, в конце 1620-х годов Больших Ногаев насчитывалось от 80 тыс. до 120 тыс. чел., если включить калмыцких подданных. А.А. Новосельский оценивал их на 1630 г. имели в 100 тыс. чел.⁴¹

В дальнейшем Большая Ногайская Орда вступила в стадию окончательного распада. В августе 1642 г. под Астраханью находилось всего 4862 жителя бывшей мангытский кочевой империи⁴². Через семь лет их там сконцентрировалось около 15 тыс.⁴³ Разрозненные улусы скитались по степям, то сбиваясь в группировки, то расходясь в разные стороны. В поле зрения информаторов попадали объединения разной величины, но основная масса ногаев тогда ушла на Кавказ, в Бессарабию (Буджак) и в Крым к Гиреям.

Примечания

¹ Ногайская Орда – государство, образованное восточными кипчаками (с конца XV в. принявшими этноним «ногаи») в процессе распада Золотой Орды на территории современного западного Казахстана и левобережного Нижнего Поволжья. Управлялась потомками золотоордынского военачальника Эдиге (Едигея) – мирзами и избиравшимися из их среды верховными биями. Вся аристократия Орды принадлежала к ногайскому племени мангытов.

² См., напр.: *Арсланов Л.Ш., Викторин В.М.* Кто такие астраханские ногайцы // Политическая агитация. 1988. № 20. С. 11; *Галламов Р.Ф.* Казан арты тарихында нугайлар // Казан утлары. 1994. № 9. С. 175.

³ Большая Орда – принятое в историографии обозначение части Золотой Орды в Нижнем Поволжье и южнорусских степях, оставшейся под властью центрального правительства во второй половине XV – начале XVI в. Одновременно с Большой Ордой существовали выделившиеся из Золотой Орды Астраханское, Казанское, Крымское, Тюменское, Узбекское (в Казахстане) ханства и Ногайская Орда.

⁴ Б. – обычное для мусульманского ономастикона в русскоязычной литературе сокращение арабского «ибн» (сын).

⁵ *Сафиргалиев М.Г.* Ногайская Орда в середине XVI в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1938. С. 45.

⁶ *Его же.* Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сб. науч. работ Мордовского гос. пед. ин-та Саранск, 1949. С. 34, 35; *его же.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 230.

⁷ См., напр.: *Кочекоев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 33, 34; Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. Кн. 1. Самара, 1993. С. 36.

⁸ *Кузеев Р.Г.* Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. Уфа. 1968. С. 337; *его же.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 245.

⁹ *Сикалиев А.И.-М.* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С. 42, 43. Проведя эти подсчеты. А.И.-М. Сикалиев обращается и к исчислению неких «западных ногайцев». Умозрительно заключив, что они немногим уступали по количеству «восточным», автор приходит к численности «всех ногайцев в начале XV в. ... не меньше 4 млн. человек» (с. 42).

¹⁰ *Иванов И.В., Васильев И.Б.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995. С. 57, 60. В XIII–XV вв., как считают эти авторы, в Рын-песках проживало 3–5 тыс. чел. (с. 175).

¹¹ *Тортика А.А., Михеев В.К., Кортиев Р.И.* Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнограф. обозрение. 1994. № 1. С. 49–62.

Формула расчета кочевого населения этих авторов такова: $\frac{K_c \times Y \times P_{\text{зимн}}}{K \times D}$, где K – суточная потребность в корме одного животного, кг сухой массы (в среднем 300 кг); Y – урожай, кг сухой массы/га; D – продолжительность использования пастбища, дни; $P_{\text{зимн}}$ – площадь зимнего пастбища, что составляет 30–50% от площади, пригодной для хозяйственного использования ($P_{\text{хоз}}$), которая в свою очередь равняется 60–70% всей территории ($P_{\text{тер}}$), принадлежащей кочевому обществу; K_c – коэффициент поправки на социальное расслоение (0,0202). Для нашего подсчета принимались средние величины $P_{\text{зимн}}$ – 45% и $P_{\text{хоз}}$ – 45%. Y и D брались из казахского материала XIX в., поскольку он характеризует ту же самую территорию, на которой ранее кочевали ногаи. По Н.Э. Масанову, производительность травостоя в полупустынной зоне Казахстана составляет 2–3,5 ц/га, в степной и лесостепной зоне – 3,5–12 ц/га (*Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: Основы жизнедеятельности кочевничества. Алматы; Москва, 1995. С. 54). Мы установили среднюю величину в 700 кг. D зимняя у казахов – 2–3, летняя – 6–9 мес. (*там же.* С. 88, 102), из чего выводим среднюю величину 5 мес. (150 дней). Подсчеты P велись по масштабам соответствующих карт.

¹² Дешт-и Кипчак (*перс.* Кипчакская степь) – средневековое обозначение степного пояса Евразии от Дуная до Оби.

¹³ См. напр.: Башкирское шежере. Уфа, 1960. С. 33; *Лаииков Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891. С. 35; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 16; *Толстов Л.С.* исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 161; *Ихмэтжанов Р.Г.* «Жэмигь-эт-тэварих» нын оригиналь оленшдэге этносциаль терминнар турында // Татар теле һәм әдәбияты. 6-чы китап. Казан, 1977. Б. 45.

¹⁴ Извлечение из записок Блеза де Вижнер (1573). // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1. Киев, 1890. С. 87; *Лызлов А.* Скифская история. М., 1787. С. 54; Сочинения князя Курбского. Т. 1. СПб., 1914. С. 238.

- ¹⁵ Сикалиев А.И.-М. Указ. раб. С. 48.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1616 г. Д. 2. Л. 1; 1630 г. Д. 1. Л. 21; Д. 3. Л. 3.
- ¹⁷ Там же. 1636 г. Д. 1. Л. 81, 98.
- ¹⁸ Молдобаев И.Б. Вопросы этнической истории кыргызов XIII–XVII веков // Кыргыз: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Бишкек, 1995. С. 60.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 9. Л. 18.
- ²⁰ Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982. С. 20, 21.
- ²¹ The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat. A history of the Moghuls of Central Asia. L.; N.Y., 1895. P. 228.
- ²² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 75.
- ²³ Там же. Л. 112 об.
- ²⁴ Там же. Л. 190.
- ²⁵ Подобно большинству кочевых держав, территория и население Ногайской Орды делились на три части – центр-домен бия, правое (западное) и левое (восточное) крылья. Наместник правого крыла и командующий его ополчением у ногаев носил титул нурадина.
- ²⁶ Сочинения князя Курбского. С. 238.
- ²⁷ Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (По русским архивам). М., 1976. С. 68, 69.
- ²⁸ Малая Ногайская Орда (или Казыев улус – по имени основателя) – политическое образование, созданное на Северо-Западном Кавказе в 1570-е годы эмигрантами из Ногайской Орды. С тех пор в источниках основная территория ногаев в Заволжье получает наименование Большой Ногайской Орды (Больших Ногаев).
- ²⁹ Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967. С. 40.
- ³⁰ Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 174, 191.
- ³¹ Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.). М., 1918. С. 136; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1604. Д. 3. Л. 178.
- ³² Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. – 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 213, 214.
- ³³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1615 г. Д. 4. Л. 18.
- ³⁴ Там же. 1617 г. Д. 2. Л. 21.
- ³⁵ Там же. Л. 8.
- ³⁶ Там же. 1626 г. Д. 2. Л. 160.
- ³⁷ Там же. Л. 198.
- ³⁸ Там же. Л. 27; Д. 1. Л. 23.
- ³⁹ См.: Ку-м А.К. Исторические сведения о калмыках, кочующих на земле Войска Донского // Северный Архив. 1824. Ч. 9. С. 301.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1630 г. Д. 3. Л. 3.
- ⁴¹ Новосельский А.А. Из истории донской торговли в XVII веке // Исторические записки. 1948. Т. 26. С. 214.
- ⁴² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 11. Л. 75 об., 76, 219.
- ⁴³ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 211, 212.

V.V. Trepavlov. Nomad populations: sources and methods of their counting

The article is devoted to the two principal methods of counting numerical compositions of nomad political formations. These are: correlation of a state's population with the numerical strength of the territorial army the population offers, and determination of the number of pastoral population which can master one or another territory.

The author counts up the population of the Nogay Horde on the territory of West Kazakhstan and the Volga area, and traces its changes in the 15th – early third of the 17th centuries.

The article is based on the archival documents whose majority is being published for the first time.